

«Заберите меня, пожалуйста!..»

2–3

«Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

4–5

«Господи, вся Тебе возможна!»

6–7

«Если бы мы верующими были...»

8

«ВЕРА БЕЗ ДОБРЫХ ДЕЛ МЕРТВА»

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА КИРИЛЛА НА ОТКРЫТИИ IX ПАРЛАМЕНТСКИХ ВСТРЕЧ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РФ И ИЗ ОБРАЩЕНИЯ К УЧАСТНИКАМ XXIX МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: ЗАПАД И ВОСТОК, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА»

ИМЯ РОССИИ. В годы испытаний мы вспоминаем истинных воинов духа. Их деяния и через века остаются примером, укрепляющим нас духовно, призывающим быть верными Богу и Отечеству. Именно такой личностью является святой благоверный князь Александр Невский, 800-летию со дня рождения которого посвящен наш нынешний форум. Выдающийся российский историк С.М. Соловьев так оценил деятельность святого князя: «Соблюдение Русской земли от беды на востоке, знаменитые подвиги за веру и землю на западе доставили Александру славную память на Руси, сделали его самым видным историческим лицом в нашей древней истории».

Образ князя, жертвенно послужившего своему народу и увенчавшего свой жизненный путь принятием монашества, стал примером для подражания для многих последующих поколений наших соотечественников. Масштаб личности святого благоверного князя и величие его исторической миссии заключается не столько в одержанных им победах, сколько в том выборе, который он сделал для своей страны и в русле которого протекала дальнейшая история, развивались культура и национальная жизнь России. Он сумел утвердить наш цивилизационный путь как путь особый, не сливающийся ни с Западом, ни с Востоком. Это своего рода средний, «царский» путь, основанный на традициях православного мировоззрения, которое соединено с жизненным укладом и национальной культурой русского народа.

ТОТАЛЬНАЯ ЦИФРОВИЗАЦИЯ. Сегодня в нашей стране проводится большая работа по освоению новых технологий и цифровой трансформации ряда сфер общественной жизни. Любая технология, столь радикально меняющая жизнь людей, требует, несомненно, общественного обсуждения, в том числе тотальной цифровизации.

Церковь рассматривает государственное управление как сферу отношений между людьми, в которых технология не может подменять человека, облеченного властью. Цифровизация государственного управления не может превращать власть в бездушный технический алгоритм. Окончательное решение по любому делу, начиная с простой технической государственной услуги, должно всегда оставаться за живым человеком, а не за высокотехнологической машиной.

В законах, утверждающих новые технологические принципы, нужно учесть интересы и права тех наших сограждан, которые отказываются пользоваться любыми электронными системами. Таких людей в нашей стране достаточно много.

Важно не допустить дискриминации, возникающей по принципу «не хочешь пользоваться новой технологией – жизненно важная государственная услуга не будет оказана». Такой подход неминуемо приведет к отключению человека от возможности вести профессиональную деятельность или получать материальные блага, если он не согласится в полной мере с условиями их предоставления. Для тех, кто дорожит правом на конфиденциальность, тайну частной жизни и не желает делать личные сведения предметом коммерческого анализа и торга, это существенный вопрос. Наша обеспокоенность не является специфически религиозно мотивированной, но лежит в области соблюдения прав человека.

ИНСТИТУТ СЕМЬИ. Мы являемся свидетелями глобального кризиса семейных ценностей. В жизнь внедряются технологии, которые могут уничтожить человеческое достоинство, превратить семейные отношения и ребенка в товар, который можно купить, продать, подарить. Не может не вызывать беспокойство рост числа технологий, ко-

торые предусматривают модификацию природы человека, трансгуманизм, искусственное размножение и т.д. – все это требует взвешенной правовой, нравственной, богословской и социологической оценки. Любая технология, какой бы полезной, совершенной и умной она ни была, может стать опасной в том случае, если люди, владеющие ею, не имеют моральных ограничений.

С каждым годом давление на семью растет. Происходит либерализация законов по разводам, однополым «союзам». Давление на семью направлено не только на то, чтобы допустить то или иное отклонение от традиционных норм, но и на то, чтобы сделать нормой эти отклонения, в первую очередь в сознании молодежи. Общество загоняет себя в ловушку правовых противоречий: если мы отказываемся от смертной казни, признавая неприкосновенность жизни, то почему считаются допустимыми аборт и эвтаназия, ведь и там, и там уничтожается человеческая жизнь?

СБЕРЕЖЕНИЕ НАРОДА. Большое количество смертельных случаев в результате пандемии в очередной раз заставило нас задуматься о ценности человеческой жизни. Должен сказать о некоторой нравственной ущербности подхода, когда мы скорбим о жертвах болезни, но индифферентно относимся к абортам, которые вовсе не прекратились в пандемию. Налицо значительная убыль населения России: в прошлом году оно сократилось более чем на полмиллиона человек; и доступные аборт внесли в эту ситуацию свою страшную лепту. Аборт, к сожалению, до сих пор в статусе «бесплатной медицинской помощи». Мы с этим никогда не согласимся. Не менее безнравственным, конечно, является и создание обстановки безразличия к беременным женщинам, которых нередко принуждают к совершению аборта.

Церковь ценит диалог с государством по данному вопросу и совместные усилия по повышению просвещенности

молодежи о психологических и физических последствиях прерывания беременности. Мы понимаем, что одномоментно решить эту проблему, разрубив gordiev узел, довольно непросто, но важно хотя бы наметить четкую стратегию, целью которой был бы полный отказ от государственного финансирования абортов не по медицинским показаниям.

Мы призываем называть вещи своими именами и не по-творствовать злу в рамках медицинских гарантий и государственных страховых программ, существующих на средства налогоплательщиков. Беременность – это не страховой случай и не ошибка природы. Человеку дается Творцом не сравнимая ни с чем возможность быть соучастником чуда зарождения жизни.

Важно дальнейшее развитие системы поддержки беременных женщин, каждая из которых должна быть уверена, что она совершает великое дело, даря новую жизнь.

Задаче сбережения народа не соответствует доступность так называемых услуг российских суррогатных матерей для иностранцев. При том, что само суррогатное материнство не благословляется Церковью, тем более безнравственно использование материнства «на экспорт». Безнравственно продавать за рубеж родительский потенциал женщин, когда мы видим сокращение численности населения нашей страны. Призываю положить предел использования «услуг» суррогатного материнства для иностранцев, а также задуматься об ограничении этого явления в России. Ведь и в нашей стране оно разрушает семейное единство, становится формой эксплуатации нуждающихся женщин.

ЗАЩИТА СЕМЬИ. Церковь многократно высказывалась по так называемой ювенальной юстиции и борьбе с семейно-бытовым насилием. Мы не отрицаем необходимости защиты слабых, принятия государством мер по их защите, но считаем недопустимым создавать государственные и общественные структуры, которые под этим предлогом получают право и возможность контролировать личную жизнь человека, грубо вмешиваться в семью. Необоснованное отобрание детей есть красная черта, которую нельзя переступить.

В вопросах изменения норм семейного законодательства необходим общественный консенсус, опирающийся, прежде всего, на мнение семей с детьми. Глубоко убежден, что какое-либо вмешательство в жизнь семьи, попытки регулировать законом отношения между супругами, родителями и детьми крайне опасны. Обусловленные благами намерениями неосторожные и поспешные действия третьих лиц в семейных конфликтах могут привести к распаду семей, усугублению проблемы социального сиротства, формированию в обществе нездорового отношения к браку как заведомо временному союзу двух самовлюбленных эгоистов.

* * *

Отмечая славный юбилей со дня рождения Александра Невского, мы должны помнить о его любви к Церкви Христовой и к земному Отечеству. Стремление соблюдать правду Божию, быть честными по отношению к себе и к окружающим, нести в мир добро и милосердие – это то, что проистекает из нашей веры и без чего вера мертва. Для того, чтобы наша вера была живой и действенной, она должна включать в себя реальные проявления любви – от личного участия в тех или иных важных гуманитарных проектах до хорошо организованных кампаний. Самое главное, чтобы мы были готовы делать добро.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

«ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ, ПОЖАЛУЙСТА!..»

Прилагаемая публикация посвящена жертвенному служению отца Михаила Жара (в постриге Лонгина), своими благочестивыми трудами по достоинству возведенного в сан митрополита Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, вписавшего свое имя в историю Церкви земной и Небесной неустанным попечением о детях-сиротах, став для более 400 из них родным отцом. Интервью владыки – зримое свидетельство того, какой должна быть жизнь христианина

– Владыка, расскажите о Вашей жизни, как Вы стали священником?

– Я с детства любил ходить в храм Божий и на священников смотрел, как на избранных. Моя душа стремилась к этому, но одновременно я осознавал свое недостоинство...

Мы с мамой жили бедно, бывало, по две недели в доме не было хлеба. Просить у соседей было стыдно, и в 11 лет я пошел работать на ферму доярком. Один день учился в школе, второй – трудился на ферме. Пропускал много уроков, пришлось перейти на ночную работу скотником. У меня были только одни штаны, мамыны. Ночью я убрал за скотом, а утром стирал свои штаны, обматывался простыней, надевал поверх нее мокрые брюки и шел в школу. Дети от меня шарахались – даже после стирки одежда воняла фермой. Друзей у меня не было – никто не хотел со мной играть.

Я очень любил маму, боялся, что однажды она уйдет от меня. Было такое детское предчувствие. Я всегда спал у нее на плече. Помню последние слова, которые она, разбудив меня, сказала со слезами: «Сынок, я скоро умру. На кого же я тебя покину? Оставляю тебя в руках Божьих... Пусть Господь будет тебе защитой».

Мамино благословение определило мою судьбу – я стал священником. А начинал служить в маленьких селах, потом служил несколько лет в родной Петрашовке. Мне было там очень хорошо, но я все же думал уйти, потому что многие мои односельчане знали меня с детства и, возможно, смущались на исповеди открывать свои грехи. Но когда я объявил прихожанам о своем уходе, они легли на пол в храме, преграждая мне дорогу. А один из них сказал: «Если ты хочешь уходить, становись на нас и иди». И я остался и служил еще какое-то время.

– Вы первый свидетель чуда от иконы Божией Матери Боянской, «плачущей». Как это произошло, и что Вы почувствовали при этом?

– Храм был очень старый. Мы с прихожанами обновили иконостас и заказали новую икону Пресвятой Богородицы. Икона была очень красивая, и я много пред ней молился. Во время полиелей на всенощном бдении я увидел, что глаза у Матери Божией как-то изменились, будто заблестели. Решил после службы, когда все уйдут из храма, посмотреть более внимательно. И когда я подошел близко к иконе, увидел, что из глаз Царицы Небесной текут слезы. Я не мог понять, как такое может быть! Целый месяц я спал с ключом от храма под подушкой. Мне все казалось, что кто-то хочет подиуть надо мной, или существует еще какое-то природное объяснение этому явлению...

Однажды в час ночи я пошел в церковь, открыл храм и увидел, что Мать Божия на иконе плачет. Я взял ватку и стал вытирать слезы, но они снова пошли. И так три раза. И тогда я упал на колени и попросил у Матери Божией прощения за свое маловерие... Потом начались многочисленные исцеления. У нас в обители сейчас подвизается 18-летний отрок Ваня, а тогда ему было два годика. И у него была злокачественная опухоль в желудке. Мать его принесла в храм, и я всю ночь на руках простоял с этим младенцем. Когда сделали УЗИ, врачи увидели, что остались лишь рубцы...

И по сей день не иссякают милости Богородицы, которая стала покровительницей женской обители в Боянах.

– После явления чудотворной иконы изменилась и Ваша с матушкой жизнь: воспитав троих детей, вы вдвоем приняли монашество. Затем возник Банченский мужской и Боянский женский монастыри, а затем и Молницкий детский дом.

– Никто ничего не планировал. Все происходило и происходит по воле Божьей. Конечно,

но, за малое время создать все это человеческими усилиями было невозможно. Но что невозможно человеку, возможно Богу.

Когда отец Лонгин (как привычно величают владыку и взрослые, и дети) пришел в Банчаны с первыми четырьмя монахами, на месте монастыря был пустырь. Но батюшку местные хорошо знали и любили – до пострига он служил по соседству, в приходском храме села Бояны. Поэтому, когда началось строительство монастыря, помощников собралось много. Кто жил в окрестных селах, приходили на стройку, работали. Кто подальше, помогали, чем могли: и кирпичом, и бревнами, и продуктами, и деньгами.

Сейчас на территории монастыря уже семь храмов, трапезная, братские корпуса, колокольня, инвалидный дом, богадельня, гостиница для паломников... Для воспитанников приюта здесь организована воскресная школа, ребяташек постарше обучают профессиям, приобщают к труду на монастырских хозяйствах наравне со взрослыми.

Сначала приют для детей располагался здесь же, в монастыре. Первых детей отец Лонгин взял еще в Боянах, и они переехали вместе с ним в строящийся монастырь. Когда детей в нем стало больше, чем монахов, пришлось задуматься о строительстве для них отдельного здания. Нашлось удобное место в четырех километрах от монастыря, в селе Молница. А в Боянах в то время на базе прихода образовалась женская монашеская община, ставшая затем монастырем. Сестры взялись заниматься детьми. Отец Лонгин – духовник обоих монастырей и приемный отец всех деток в приюте.

Младшие называют воспитательниц мамами, а батюшку – папой. Когда он появляется в детском городке, ребята бежит к нему со всех ног: «Папа, папочка пришел!» Будучи не в силах дотянуться до каждого, чтобы обнять и поцеловать, батюшка ложится на пол, а малыши наваливаются на него сверху. Вся эта куча мала визжит, хохочет и просит: «И меня поцелуй, папочка! И меня!»

Благодаря стараниям батюшки на деньги благотворителей в Молнице построен уникальный детский городок для малышей, многие из которых с тяжелыми врожденными заболеваниями: нарядные трехэтажные здания выстроены отдельно для мальчиков, девочек и для ВИЧ-инфицированных детей, светлые окна, мраморные лестницы, оборудованные подъемами для тех ребят, кому трудно самостоятельно передвигаться. Внутри паркет устелен настоящими мягкими коврами. Стены увешаны картинами. Везде аквариумы с рыбками, птички поют, много зелени. А вокруг зданий невероятное количество цветов.

Дети живут по 4-5 человек в комнате, за

каждой закреплена монахиня-воспитательница. Они, как тихие и кроткие матушки, многие из которых совсем еще юны, с терпением и любовью опекают своих подопечных. В их распоряжении медицинские кабинеты с современным оборудованием, детский спортзал, игровые комнаты, бассейн, вольер с павлинами и даже конюшня для пони.

Сам приют похож на прятный городок. Фасады зданий, окна, подъезды – все украшено цветами. На газонах – фигурки сказочных персонажей. На заднем дворе – игровая площадка и стадион.

Однажды младшие дети попросили у папы – отца Лонгина – ролики. Батюшка купил их всем детям. Но оказалось, что кататься на них в деревне негде. Тогда на помощь приехали монахи из Банчен и проложили асфальт на заднем дворе приюта. Теперь там можно кататься и на велосипеде, и на роликах, и с детской коляской гулять.

– Разве монашеское это дело детей развлекать?

– Монашеский путь и семейный – очень разные. И у нас приют стоит отдельно от монастыря. Но я смотрю на своих монахов и вижу в их душе много добра. Они знают, когда у детей дни рождения, покупают им подарки, даже просят в гости пойти поздравить. И я не думаю, что это плохо. Небеса радуются, если кто-то принес радость сиротке. Монах не отойдет от своей монашеской жизни, но он тоже должен давать другим добро. Это не грех.

Когда дети жили в монастыре, бывало такое, что люди приходят на службу, спрашивают, где отец Лонгин? А я с детьми играю в футбол. Представляете, какой это, наверное, для людей соблазн! Настоятель – и в футбол вместо службы. А что делать? «Папа, давай играть в футбол!» – как тут откажешь? Я думаю, Господь простит мне этот грех, если это грех. Без милосердия никто не спасется. Никто!

История появления в приюте первых детей уже стала преданием. У отца Лонгина в Боянах были коровы. В начале 90-х время было голодное. И он стал жертвовать в местный дом малютки молоко. Медсестры в благодарность решили показать батюшке, кому идет это молоко.

Условия, в которых находились дети, просто потрясли батюшку – он схватил в охапку двоих малышей и увез их с собой. К тому времени у отца Лонгина с супругой (в постриге матушкой Соломией) уже было трое своих детей. Стало пятеро. Так было положено начало «детскому дому семейного типа», как теперь официально называется монастырский приют. Потом батюшка усыновил еще 27. А затем в его паспорте кончились страницы, куда записывают детей.

Следующих он он взял под опеку. Собирали их по всей области. Поедет куда-нибудь по делам – обязательно привезет.

Блаженнейший Митрополит Онуфрий признавался, что изначально недооценил потенциал отца Лонгина: «Послушал его, и благословил. Я думал, как это будет выглядеть, интересно – взять детей... Хватит на месяц, три, на год терпения, а потом? Что делать с ними? Я ошибся. Он оказался большим, чем я себе представлял. Сегодня то, что он делает, никто в мире не делает!»

Я часто заглядывал в глаза этих детей и не видел в них следа печали. В этом сиротском доме они получают тепла больше, чем большинство детей от своих собственных родителей. Это особенный подвиг, который имеет перед Богом особую цену. Это жертвенная любовь, которая является высшей степенью любви человека».

– Потом, помнится, – продолжает батюшка рассказ об образовании приюта, – однажды зимой отпел я молодую женщину. Смотрю, после отпевания на могиле остались четверо мальчишек. Все ушли, а они стоят совсем замерзшие, в резиновых сапожках на босу ногу и не идут никуда. На улице мороз градусов 20. Самый маленький из них был еще крошечка. Я спрашиваю: «Что вы не идете домой?» А они мне говорят: «Мы без мамы не пойдём. Нам идти некуда». Отец-то от них ушел, а мама вот умерла. «Ваша мама теперь на небесах, – говорю. – Пойдете ко мне жить?». Кивают. Ну, я и привез их в монастырь.

А однажды, как раз в канун Нового года, к воротам монастыря подбросили новорожденную девочку в коробке от бананов. Сколько малышка там мерзла, уж и не знаю. Взял ее в руки, а она холодная, как ледышка, совсем окоченела. Мы скорее отвезли ее в больницу. Все врачи говорили, что шансов нет. Но с Божьей помощью девочку удалось спасти. Врачи сами дали ей фамилию Счастливая. А назвали мы ее Катенька.

Степку батюшка встретил в интернете для детей-инвалидов. Безрукий мальчишка выскочил вперед и прочитал трогательные стихи. Ходил по пятам за священником и матушками, а когда те собрались уезжать, прижался лицом к рысе отца Лонгина и попросил: «Заберите меня отсюда, пожалуйста!»

Батюшка заплакал, обнял Степку и... увез с собой. В приюте мальчик стал читать книги и, рассуждая, спорит, за что матушка Елизавета ласково называет его «философом».

А его друга Ромку – «музыкантом», потому что тот играет на синтезаторе, который поставили – специально – рядом с его кроватью. Ему трудно передвигаться, у него ДЦП.

Отец Лонгин не боится усыновлять детей даже с таким страшным диагнозом, как СПИД, на которых было врачи рукой махнули: мол, не жильцы. Таких прошло через приют свыше 50 человек, получая всю необходимую терапию. Здесь для них – отдельный медицинский персонал, действует региональный СПИД-центр.

– Никогда не забуду, как в 2002 году забирал из черновицкой больницы первую девочку с этим страшным диагнозом – СПИД. Малышке было всего два месяца, а воспитатели держали ее запертой в отдельной комнате. Девочку вообще не брали на руки, а к кроватке подходили в маске и перчатках. Тогда еще недостаточно знали о СПИДе, и его боялись, как чумы...

Когда я увидел этого ребенка, что-то дрогнуло в душе. Всю ночь я не сомкнул глаз, а утром вернулся в больницу и забрал девочку домой. Врачи честно предупредили, что СПИДом могут заразиться все члены моей семьи. Было страшно, но еще больше было жаль обреченного младенца. За одну ночь мы провели воду в отдельную комнату, поставили в ней самую красивую кроватку.

Потом я отправился в женский мона-

стырь и сказал монахиням: «Я взял девочку с ВИЧ. Кто желает ухаживать за ней, понимая, что и сам может заразиться неизлечимой болезнью?» Вызвались сразу несколько человек. Я даже растерялся.

Но Бог есть жизнь, а не смерть. До сих пор удивляюсь, как нам удалось выходить девочку без лекарств и врачей.

Монахи и монахини обожали дитя: она почти не ходила, потому что ее все время носили на руках. Совсем маленькой девочка прибегала в церковь и, когда монахи пели, стояла перед ними и дирижировала.

Здесь, в приюте, девочка прошла курс терапии. Доктора были очень удивлены, увидев недавно ее анализы: следов ВИЧ-инфекции в крови нет. Филатей, так ее назвали в крещении, сняли диагноз СПИД. Теперь она живет с остальными ребятами, учится в школе, стала настоящей красавицей!

В приюте атмосфера такая, что никто здесь несчастным или нелюбимым себя не чувствует. А что еще детям надо?

Владыка Лонгин строит планы на будущее. Свои и своих детей, будущих тоже:

— Мы сначала думали: ну заберем 50. Потом — 100. Затем решили — и 150 ребятшек сумеем досмотреть, но... Они ж, бедные, так пострадали за свою еще коротенькую жизнь, что сил нет у меня: знать, как им больно, и не забрать к себе! И когда их было уже 200, считал — ну это все! Но как же «все»? Потом, говорю, наверное, 300 будет.

Якби мог обнять всех сирот на земле, я б це зробив, — когда он сильно волнуется, то слова по-русски и по-украински у него получаются перемешку. — Они немощны. Их любить надо. Усіх дітей любити надо. А цім же й допомогти, щоб вижили. Я не могу без них! Вони — моє лекарство. Не було б їх зі мною, зря б на землі тоді жив.

— Что такое чудо?

— Для меня чудо — это то, что я сейчас живу, что Господь с нами, что со мной все эти дети. И чудо, что все эти дети родились. Потому что их могли убить в абортках, оставить погибать на улице, от врожденных болезней, тяжелой инвалидности... Чудо, что они сейчас с нами, и Господь их не оставил. Вот в этих явлениях жизни, которые мы часто принимаем за обыденность, мы должны видеть Бога. И благодарить за то, что у нас есть хлеб на столе, мир в стране, нет наводнений, пожаров... Все это милость Божья.

Потому что люди многие не знают о милосердии и любви Его. А когда мы возвращаемся к Богу, чувствуем утешение и благодать Божью, доброту Его. Но потом враг спасения начинает нашептывать в помыслах, искушая, мол, ты слишком грешен, чтобы ходить в церковь и спасаться...

Или, наоборот, мол, ты не такой грешник, чтобы идти в храм и просить помощи, исповедовать грехи и приобщаться благодати Божьей... Или — слишком рано каяться, вся жизнь впереди, будет еще время, когда состаришься. Но каждого человека Господь призывает, просто люди часто не слышат Его и не хотят слышать этот призыв, так как ведут невнимательную жизнь. А Господь, как любящий Отец, ежедневно посылает нам милости, напоминает о Себе, зовет и ждет нас. И я думаю, что любовь Господня не избирательна, Он всех любит безмерно, всех на земле.

Вот, если у мамы есть пять или десять детей, то она всех любит, но особенно внимательна к самому маленькому, беспомощному, беззащитному. А если больной ребенок — тем более...

Так и Господь печется более всего о тех, кто пребывает в духовном младенчестве, кто болен греховностью. И поэтому в Евангелии говорится, что великая радость бывает о едином грешнике кающемся и что пастырь оставляет 99 овец в стаде, чтоб найти одну заблудшую овцу, и, когда находит, в радости берет ее на руки и несет к стаду.

— Почему страдают неповинные дети? Я видел у Вас слепоглухонемого мальчика. Как Вы относитесь к их родителям?

— Родители их — святые люди, я молюсь о них. Потому что дети эти могли оказаться на мусорной свалке, они могли их убить, когда им был месяц-два... Но благодать Божья удержала их родителей от этого шага... А ведь, помогая этим детям, мы спасаем наши души. И те, кто видит этих детей, читает о них, смотрят фильмы, они ста-

новятся добрее. В мире становится больше добра. Это очень важно. Воспитывать сострадание. Ведь Господь сказал, что «вера ваша без дел мертва».

Я однажды умирал (все без исключения детские истории разрывают сердце. Наверное, поэтому у батюшки оно очень большое. К 50 годам он перенес три инфаркта и две тяжелые операции на сердце — Ред.), у меня был инфаркт, врачи не могли ничего сделать. И сестры без моего разрешения привели детей ко мне. Я начал улыбаться, чтоб они не видели, что мне плохо. И потом мне стало легче. Я выжил. Эти дети спасают нас. А так бывает: мать не может умереть, пока дети рядом. Дети вышли на улицу — мама умерла.

Душу никто не может видеть, но в душе живет вот эта любовь, чистая и настоящая любовь. О любви многие говорят в этом мире. Но это живая любовь, духовная, Божья. Если в семье есть любовь от Бога, она преодолит все испытания. А если речь идет о любви плотской, когда интимные отношения называют любовью, то духовные отношения умирают, и семья распадается.

Поэтому в наше время, когда отовсюду навязываются новые «ценности» — насилие, блуд, похоть, жестокость — всему этому нужно противопоставлять ценности непреходящие, евангельские.

Трагедия в том, что утеряны семейные, нравственные традиции, которые формировались тысячелетиями — в христианской любви, в любви к Богу и человеку, в почитании родителей, старших, в сострадании к ближним, в трудолюбии... Все это сейчас стремительно теряется.

Я помню свою молодость, свое детство — все было иначе, ребята ходили на танцы, встречались с девушками, но все было пристойно. Парень или девушка не мог сидеть в автобусе, если позилкой стоял рядом. А сейчас — это норма. Если ты увидел, что мама идет с водой, то бежал ей навстречу, чтобы помочь донести эту воду... Поэтому наша задача — творить добро, чтобы его было больше в этом жестоком мире.

— Сейчас все говорят о кризисах — экономическом, духовном. Как изменить жизнь к лучшему?

— Чтобы изменить жизнь к лучшему, нужно начинать от веры и от Бога. С верой у человека даже кусочек хлеба может быть сладким и принести счастье. Мы все время ищем виноватых, ищем причины во внешних обстоятельствах, только не в своей душе. Получается — все виноваты, кроме меня. Виноват президент, правительство, партия, мэр — кто угодно, только не я лично. А нужно менять жизнь вокруг, начиная с себя. И в государственном строительстве, и в своей личной семейной жизни, в семейном строительстве — с себя надо начинать.

Первый раз зайти в храм, прийти в Церковь непорочно. Просто физически тяжело стоять, когда ничего не знаешь, не понимаешь. Но можно вначале постоять хотя

бы пять-десять минут, помолиться своими словами: «Господи! Я Тебя не знаю, не знаю, как Тебе молиться! Я о Тебе ничего не знаю, но я знаю, что Ты есть! Знаю, что без Тебя ничего не делается в этом мире. Помогите мне, Боже!» Поставь свечу, перекрестись с поклоном. Другой раз, третий... И так понемногу, по чуть-чуть душа оживет, почувствует благодать Божью. И захочется душе бывать в храме, слышать голос Бога в душе. И со временем человек заметит, что он становится добрее, что ему уже легче копейку в церковную кружку опустить, бедному подать. Не ради обязанности, а по воле сердца: чувствуешь тепло и любовь к человеку, и хочешь ему помочь, помочь тому, кто обижен, кто болеет, кто страдает, кто одинок и обездолен. И тогда Господь, видя такое сердце обновленное, душу жертвенную, начинает этому человеку давать в сто раз больше... Это духовный закон.

Когда моя мама умерла, мы жили очень бедно, часто просто нечего было есть. Но я молился Богу, я плакал пред Ним. И у меня в душе рождалось чувство жалости к людям. И когда я отдавал кому-то более несчастному, чем я, свои последние копейки, Господь мне возвращал это сторицей, и главное — душа как бы взлетала к небесам, такое счастье я испытывал, такую радость, которую не может дать ни слава, ни деньги! Ни успех, ни богатство — ничего на свете не заменит радости, посылаемой нам Господом Иисусом Христом.

— Человек верит, крещен, ходит в храм, но делает это, как обязанность. А что сделать для того, чтобы душа стремилась к Богу? Как умножить веру в душе?

— Да, мы ходим, но часто стоим в храмах, как бездушная мебель. Человек и крещеный, и верующий, и постящийся, но он не живет в храме. Когда совершается Божественная литургия, Сам Господь нам отдает Себя, преломляя Свое Тело и изливая Свою Кровь во искупление грехов и жизнь вечную. Мы должны жить этой службой, этой молитвой, мы должны вознести свою душу к Господу. «Горе имеем сердца!» — призывает Церковь. А человек стоит, отбивает, чтобы побыстрее дождаться «Отче наш» в конце литургии и скорее уйти домой.

Вот такую свою духовную слабость нужно перебороть, нужно искренно от всего сердца испросить у Господа веры, как тот человек, который воззвал ко Христу: «Господи, помоги моему неверию!», как апостолы просили умножить в них веру. И перед человеком открывается тайна и смысл Голгофской жертвы, когда Господь умер за меня лично. А если душа охлаждается, мы теряем веру, ревность, у нас есть возможность снова идти в храм, исповедоваться, чтобы снова прорываться сквозь это греховное бесчувствие.

Но нельзя впадать в отчаяние, которое есть самый большой грех. Когда человек роптать начинает, тогда очень больно и Богу... Нужно это понимать. Я всегда говорю своим духовным чадам: вы должны быть у меня сильными! Потому что с нами Бог.

— У Вас такая нагрузка, огромное количество детей, монастыри, теперь прибавилась еще архиерейская ответственность. Как Вы справляетесь со всем этим?

— Нелегко дается иногда. И хотя много помощников, но я иногда уже не знаю, когда день, а когда ночь. А еще личные болезни, да еще службы, да еще люди приезжают, паломники, тысячи людей... Нелегко. Както начал роптать, мол, не могу больше, устал...

Нужно было ехать в один инвалидный дом к детям. И я увидел там детей, которые годами лежат в постели и никогда не смогут встать, и сказал: «Господи! С этого дня никогда не буду говорить, что мне трудно. Дай мне, Боже, сил!» Иногда хочется пожаловаться, сослаться на усталость и истощение, но я вспоминаю эти слова, сказанные в доме детских страданий.

— Что в Вашей жизни изменилось с рукоположением в епископ?

— Я чувствовал лишь свое недостойнство. Хотелось плакать, кричать перед всеми людьми, перед Богом, что я не достоин. Я не знаю, почему Бог возложил на меня это бремя, хотя я благодарен, что мне даны новые силы для служения Церкви. Но как человек, я понимаю, что это слишком большая ответственность перед Богом. Ведь чем большим становишься по чину, тем больше ответственности. И нужно отвечать за людей, за Церковь, за себя и за все. Но я говорю: «Да будет воля Божья»...

— Что Вас радует более всего?

— Я всему радуюсь: и небу, и земле, и тому, что растет на ней, и что живет и плодится на ней, и каждому дню радуюсь. Но больше всего радуюсь, когда вижу творение Божье — человека. Как красиво создал Господь всех людей. И когда я вижу их в храме, мне не хочется расставаться с ними. Мне хочется обнять каждого, кто есть в церкви. Мне хочется сказать каждому добрые слова, хочется сказать, как я их люблю и как буду ждать встречи с ними каждую неделю... И когда я бываю в паломнических поездках, на Святой Земле, например, или еще где-то, я всегда ставлю три свечи в честь Святой Троицы и возжигая их за все народы Земли. И говорю: «Господи, я возжигая эти свечи за всех людей на Земле. Помогите им, Господи, чтоб они узнали Тебя! И чтобы мы все там были вместе — в Вечности на Небесах...».

Несколько десятков усыновленных отцом Лонгиным детишек стали уже совсем взрослыми и упорхнули из гнезда — отправились учиться в вузы или обзавелись собственными семьями. Некоторых из них отец сам же и обвенчал здесь, в своей церкви. Для подросших ребят рядом с приютом своими силами он строит небольшие уютные домики, в которых дети могут поселиться всей семьей.

— Они все до смерти мои дети. В приюте их учат всему: работать в поле, готовить, шить. Это нужно, чтобы могли потом самостоятельно жить и учить своих детей.

Я до конца своих дней должен все делать для них, чтобы они не почувствовали себя никогда сиротами на этой земле. Поскольку я их отец, я никогда не брошу своих детей на произвол судьбы. По-прежнему буду их любить, помогать им и, конечно же, терпеливо дожидаться внуков.

В глазах у детей — жажда жизни и вера в Чудо. Своим большим и добрым сердцем, безграничной и искренней верой отец Лонгин доказала всем им, что оно есть!

При подготовке публикации использованы материалы, представленные на официальном сайте УПЦ МП

«ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!»

ХРОНИКА СОБЫТИЙ В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ

80 лет прошло с начала самой кровопролитной войны в истории человечества, ставшей для нашего народа Великой Отечественной, унесшей в общей сложности свыше 26 миллионов жизней граждан СССР. Мы свято храним о них память. Никто не забыт, ничто не забыто. Сегодня, возвращаясь к тем героическим временам, нам важно понять, как жила страна накануне и в первые дни войны, как люди восприняли ее начало, как прожили первый день, что чувствовали, о чем говорили, что думали и что ожидали, на что надеялись

22 июня 1941 года – трагическая страница в истории России, день нападения фашистской Германии на СССР. Это день памяти и скорби для каждого соотечественника, чьи отцы и деды отдали свои жизни под Москвой, Сталинградом, Прагой, Берлином. Кто умер от голода и холода в блокадном Ленинграде, кто проливал кровь на Мамаевом кургане, кто стоял до последнего в Бресте, кто сражался за Одессу, кто горел на Курской дуге, кто встретил последний час на Одере. Кто был замучен в лагерях смерти, кто умер под пытками в застенках гестапо, кто ушел в лес партизаном и пропал без вести. Кто шел в последний таран, ложился на дзот. Кто вытаскивал раненных с поля боя, прикрывая их своим телом. Кто, забыв о детстве, стоял у станка, готовя снаряды для фронта. Кто 9 мая 1945 года плакал от счастья, услышав по радио долгожданную весть о Великой Победе...

НАКАНУНЕ

23 августа 1939 года после переговоров в Москве наркомом по иностранным делам СССР Молотовым и министром иностранных дел Германии Риббентропом был подписан пакт о ненападении сроком на 10 лет.

1 сентября 1939 года вторжением в Польшу Германия развязала Вторую мировую войну, завоевав в короткое время практически всю Европу, не оказавшей достойного сопротивления: Дания продержалась 6 часов; Люксембург – 1 день; Голландия – 5 дней; Югославия – 11 дней; Бельгия – 18 дней; Греция – 24 дня; Польша – 27 дней; Франция – 1 месяц и 12 дней; Норвегия – 2 месяца и 1 день (для сравнения: дом Павлова в Сталинграде держался 58 дней).

Предвидя нападение Германии на СССР, Сталин старался оттянуть его на как можно более поздний срок. Спустя годы, оценивая действия правительства до войны, маршал Жуков писал: «Думается мне, что дело обороны страны в своих основных, главных чертах и направлениях велось правильно. На протяжении многих лет в экономическом и социальном отношении делалось все или почти все, что было возможно. Что же касается периода с 1939 до середины 1941 года, то в это время народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшие всех сил и средств». К 1941 году проходящая в стране индустриализация и коллективизация принесли свои плоды, промышленность развивалась – из десяти выпущенных в мире тракторов четыре были советского производства. Построены ДнепрогЭС и Магнитка, шло переоснащение армии – знаменитый танк Т-34, истребители Як-1, МИГ-3, штурмовик Ил-2, бомбардировщик Пе-2 уже поступили на вооружение Красной Армии. Ситуация в мире неспокойная, но советские люди уверены, что «броня крепка и танки наши быстры».

К войне готовились, но массированное вторжение фашистов на территорию Советского Союза 22 июня явилось все же для подавляющего большинства рядовых граждан и руководства страны неожиданностью.

Накануне вторжения командующий 2-й танковой группой армий «Центр» Гудериан пишет в своем дневнике: «Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками».

Впрочем, приказ о наступлении на СССР явился неожиданным и для многих немцев. Вот как об этом свидетельствовал в своих воспоминаниях ефрейтор Тойхлер: «В 22 часа нас построили и зачитали приказ фюрера. Наконец-то нам прямо сказали, зачем мы здесь. Совсем не для броска в Персию, чтобы покачать англичан с разрешения русских. И не для того, чтобы усилить бдительность британцев, а потом быстро перебросить войска к Ла-Маншу и высадиться в Англии. Нет. Нас – солдат Великого рейха – ждет война с самим Советским Союзом. Но нет такой силы, которая смогла бы сдержать движение наших армий. Для русских это будет настоящая война, для нас – просто Победа. Мы будем за нее молиться». Однако, были и другие немцы.

21 июня в 21:00 на участке Сокальской комендатуры был задержан немецкий ефрейтор Лискоф, вплавь пересекший реку Буг и сообщивший о том, что немцы готовятся напасть на СССР на рассвете 22 июня.

21:30. В Москве состоялся разговор Молотова с германским послом Шуленбургом. Молотов заявил протест в связи с многочисленными нарушениями границы СССР немецкими самолетами. Шуленбург ушел от ответа. Остановить эскалацию уже было невозможно.

В полночь полученную от перебежчика информацию передали в вышестоящие инстанции. По округам была разослана Директива №1, содержащая приказ скрытно занять огневые точки на границе, не поддаваться на провокации и привести войска в боевую готовность.

ВТОРЖЕНИЕ

03:05. Первые бомбы упали у Кронштадтского рейда.

03:07. Командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский позвонил начальнику Генерального штаба, генералу Жукову и сообщил о подходе «со стороны моря большого количества неизвестных самолетов» и, получив указание, отдал приказ встретить их огнем ПВО флота.

03:30. Начальник штаба Западного округа генерал-майор Климовских доложил о налете немецкой авиации на белорусские города Брест, Гродно, Лиду, Кобрин. Через три минуты начальник штаба Киевского округа генерал Пуркаев доложил о налете авиации на города Украины.

03:40. Командующий Прибалтийским округом генерал Кузнецов сообщил о налете на Ригу, Шауляй, Вильнюс, Каунас и другие города. Еще через две минут Жуков сообщает о происходящем Сталину, они с народным комиссаром обороны Тимошенко едут в Кремль. Туда же спешно прибывают на экстренное заседание члены Политбюро.

04:12. Немецкие бомбардировщики появились над Севастополем. Вражеский налет был отбит, а попытка удара по кораблям сорвана, однако в городе пострадали жилые здания, склады и люди.

Из воспоминаний севастопольца Анатолия Марсанова: «Было мне тогда всего пять лет. Единственно, что осталось в памяти: ночью 22 июня в небе появились парашюты. Светло стало, помню, весь город освещен, все бегут, радостные такие. Кричат: «Парашютисты! Парашютисты!»... Не знают, что это мины. А они как ахнули – одна в бухте, другая – ниже нас по улице, столько людей поубивало!»

03.45-04.15. Погранзаставы подвергаются мощному артиллерийскому обстрелу. Начинается наступление германских войск на сухопутных участках. Пограничники, лишённые связи с командованием, вступают в бой с превосходящими силами противника. Начинается оборона Брестской крепости: ворвавшиеся в крепость немцы были выбиты штыковой атакой.

Из воспоминаний защитника Брестской крепости Котельникова: «Под утро нас разбудил сильный удар. Пробило крышу. Меня оглушило. Увидел раненых и убитых, понял: это уже не учения, а война. Большинство солдат нашей казармы погибли в первые секунды. Я вслед за взрослыми бросился к оружию, но винтовки мне не дали. Тогда я с одним из красноармейцев кинулся тушить вещевой склад. Потом с бойцами перешел в подвалы казармы соседнего стрелкового полка... Мы помогли раненым, носили им боеприпасы, еду, воду. Через западное крыло ночью пробирались к реке, чтоб набрать воды, и возвращались обратно».

В Кремле тем временем проходит созванное Сталиным экстренное совещание Политбюро.

Из воспоминаний Жукова: «В 4 часа 30 минут утра мы с Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и нарком пригласили в кабинет. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку. Мы доложили обстановку. Сталин недоумевающе сказал: «Не провокация ли это немецких генералов?» – «Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация...» – ответил Тимошенко.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел Молотов: «Германское правительство объявило нам войну». Сталин молча опустил на стул и глубоко задумался. Наступила длительная, тягостная пауза».

Из воспоминаний Микояна: «Сразу члены Политбюро собрались у Сталина. Решили, что надо сделать выступление по радио в связи с началом войны. Конечно, предложили, чтобы это сделал Сталин. Но Сталин отказался – пусть Молотов выступит. Конечно, это было ошибкой. Но Сталин был в таком подавленном состоянии, что не знал, что сказать народу».

Из воспоминаний Жукова: «Сталин был волевой человек и, как говорится, «не из трусливого десятка». Растерянным я его видел только один раз, когда фашистская Германия напала на нашу страну. Он в течение первого дня не мог по-настоящему взять себя в руки и твердо руководить событиями.

Шок, произведенный на Сталина нападением врага, был настолько силен, что у него даже понизился звук голоса, а его распоряжения по организации вооруженной борьбы не всегда отвечали сложившейся обстановке».

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ

05:00. Рейхсминистр иностранных дел Риббентроп сообщил вызванным в свой рабочий кабинет советским дипломатам о начале войны. Последнее, что он сказал послам, было: «Передайте в Москву, что я был против нападения». После этого в посольстве не работали телефоны, а само здание было окружено отрядами СС.

05:30. Шуленбург официально сообщил Молотову о начале войны Германии и СССР, зачитав ноту: «Большевистская Москва готова нанести удар в спину национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за существование. Правительство Германии не может безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе. Поэтому фюрер отдал приказ германским вооружённым силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу». Через час после фактического начала боевых действий Германия де-юре объявляет войну Советскому Союзу.

05:30. По немецкому радио рейхсминистр пропаганды Геббельс зачитывает воззвание Гитлера к немецкому народу в связи с началом войны против Советского Союза: «Теперь

настал час, когда необходимо выступить против этого заговора еврейско-ангლოსаксонских поджигателей войны и тоже еврейских властителей большевистского центра в Москве. В данный момент осуществляется величайшее по своей протяженности и объему выступление войск, какое только видел мир. Задача этого фронта уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и тем самым спасение всех... Я сегодня решил снова вложить судьбу и будущее Германского рейха и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Господь в этой борьбе!»

07:15. Сталин утверждает директиву об отражении нападения Германии: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу». Но четкой картины того, что происходит в зоне боевых действий, нет.

09:30. Председатель президиума Верховного Совета Калинин подписал ряд указов, в том числе указ о введении военного положения, об образовании Ставки Главного командования, о военных трибуналах и о всеобщей мобилизации, которой подлежали все военнообязанные с 1905 по 1918 года рождения.

10:00. Немецкие бомбардировщики совершили налет на Киев и его пригороды. Бомбовой атаке подверглись железнодорожный вокзал, завод Большевик, авиазавод, электростанция, военные аэродромы, жилые дома. Имеются погибшие. Однако еще несколько дней в столице Украины продолжалась мирная жизнь. Отменили лишь запланированное на 22 июня открытие стадиона, в этот день здесь должен был пройти футбольный матч Динамо (Киев) – ЦДКА.

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

12:00. Молотов зачитывает обращение к гражданам Советского Союза: «Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке наши города. Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан приказ нашим войскам – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины. Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

(Сталин обратился с речью к советскому народу только 3 июля, через 12 дней после начала войны. Вот как объяснял этот факт Молотов: «Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступать первым. Нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход... Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах».)

Из воспоминаний Вокроша, д. Покров: «В тот день мы с ребятами собирались на речку ловить карасей. Мать велела сначала зайти домой и поесть. Там я и услышал сообщение Молотова о начале войны. После еды я убежал с мальчишками на речку. Мы носились в кустах, кричали: «Война началась! Ура! Мы всех победим!». Мы абсолютно не понимали, что это все означает. Взрослые обсуждали новость, но не помню, чтобы в деревне была паника или страх. Деревенские занимались привычными делами, и в этот день, и в следующие из городов съезжались дачники».

Из воспоминаний Савельева, Новокузнецк: «Мы собрались у столбов с громкоговорителями. Внимательно слушали речь Молотова. У многих возникло чувство некой напряженности. После этого стали пустеть улицы, через

некоторое время в магазинах исчезли продукты. Их не скупили – просто поставка сократилась... Люди были не испуганы, а, скорее, сосредоточены, делали все, что им говорило правительство».

Из воспоминаний Левитана: «Когда ранним утром нас, дикторов, вызвали на радио, уже начали звонки раздаваться. Звонят из Минска: «Вражеские самолеты над городом», звонят из Каунаса: «Город горит, почему ничего не передаете по радио?», «Над Киевом вражеские самолеты». Женский плач, волнение – «неужели война?». И вот я помню – включил микрофон. Во всех случаях я помню себя, что я волновался только внутренне, только внутренне переживал. Но здесь, когда я произнес слово «говорит Москва», чувствую, что дальше говорить не могу – застрял комок в горле. Из аппаратной уже стучат – «Почему молчите? Продолжайте!» Сжал кулаки и продолжал: «Граждане и гражданки Советского Союза...»

Из воспоминаний Карповой, г. Харовск: «Сообщение о начале войны мы слушали из репродуктора на Доме обороны. Там толпилось много людей. Я не расстроилась, наоборот загордилась: мой отец будет защищать Родину... Вообще люди не испугались. Да, женщины, конечно, расстроились, плакали. Но паники не было. Все были уверены, что мы быстро победим немцев. Мужчины говорили: «Да немцы от нас драпать будут!»»

Из воспоминаний москвича Николаева: «Мы с другом в этот день собирали ландыши. Пришли, а нам говорят: «Сейчас будем Молотов выступать». Вот он выступил, а мы закричали «Ура! Война... Мозгов-то ведь нет. Парадокс в том, что время было военное, но что такое война, никто не знал. В результате оказалось, что я-то как призывник выучил, как с винтовкой обращаться, в кружке, а верховное командование не выучило, как начинать войну».

13:00. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета с 23 июня в стране была объявлена всеобщая мобилизация. Она коснулась военнообязанных 14 возрастов (1905–1918 годов рождения) и проходила в 14 военных округах из 17. В течение 7 суток с 23 по 30 июня было призвано более 5,35 млн военнообязанных, из них свыше 500 тыс. офицеров запаса. В итоге к 1 июля 1941 года кадровый состав армии и флота, насчитывавший на момент начала войны около 5,4 млн человек, был фактически удвоен. Призывные пункты при военкоматах начинали работать уже 22 июня. В Москве, Ленинграде и других городах в них выстроились очереди.

13:30. Жуков вылетает в Киев в качестве представителя вновь созданной Ставки Главного Командования на Юго-Западном фронте.

14:00. Брестская крепость полностью окружена немецкими войсками. Для взятия крепости немцы ввели в действие силы нового пехотного полка на Южном и Западном островах, однако это «не принесло изменений в положении». Крепость продолжала держать оборону. На этот участок фронта была брошена также 45-я пехотная дивизия Фрица Шлиппера. Было решено, что крепость будет брать только пехота – без танков. На ее взятие отводилось не более восьми часов.

Из донесения Шлиппера: «Русские ожесточенно сопротивляются, особенно позади наших атакующих рот. В цитадели противник организовал оборону пехотными частями при поддержке 35–40 танков и броневозов. Огонь русских снайперов привел к большим потерям среди офицеров и унтер-офицеров».

Советские части, блокированные в цитадели, продолжают оказывать такое ожесточенное сопротивление врагу, нанося ощутимый урон, что в 18:30 командующий 4-й армией вермахта отдает приказ об «оттягивании собственных сил» у Брестской крепости. Это один из первых приказов об отступлении немецких войск.

Подвиг этой и других застав стал одним из сотен, совершенных пограничниками в первые часы и дни войны. Государственную границу СССР от Баренцева до Черного моря на 22 июня 1941 года охраняли 666 пограничных застав, 485 из них подверглись нападению в первый же день войны. Ни одна из 485 застав, атакованных 22 июня, не отошла без приказа. До двух месяцев сражалось 45 застав, тогда как гитлеровское командование отвело на то, чтобы сломить сопротивление пограничников, 20 минут. Из 19 600 пограничников, встретивших гитлеровцев на направлении главного удара группы армий «Центр», в первые дни войны погибли более 16 000 человек.

15:00. Пилоты немецких бомбардировщиков доложили, что им больше нечего бомбить: все аэродромы, казармы и скопления бронетехники уничтожены.

Из воспоминаний маршала авиации Зимины: «22 июня большие группы фашистских бомбардировщиков подвергли ударам 66 наших аэродромов, на которых базировались основные силы авиации западных пограничных округов. В первую очередь были подвергнуты ударам с воздуха аэродромы, на которых базировались авиационные полки, вооруженные самолетами новых конструкций. В результате ударов по аэродромам и в ожесточенных воздушных боях противнику удалось уничтожить до 1 200 самолетов, в том числе 800 на аэродромах».

17:00. К этому часу на советскую территорию вторглось более 4 000 танков, 48 000 орудий и минометов, 190 дивизий и 5 млн солдат. Война набирала необратимые обороты. Гитлер планировал захватить СССР до осени 1941 года.

18:00. Патриарший Местоблюститель, митрополит Сергей, обращается с посланием к верующим: «Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю...»

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Нем больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины».

19:00. Приказом командующего группой армий «Центр» прекращены расстрелы советских военнопленных, которые после этого содержались на спешно огороженных колючей проволокой полях. Так появились первые лагеря для военнопленных.

Из записок командира полка дивизии СС «Дас Райх»: «В руках нашего полка оказались богатые трофеи и большое число пленников, среди которых было много гражданских лиц, даже женщин и девушек, русские заставляли их защищаться с оружием в руках, и они храбро сражались вместе с красноармейцами... Мы не разделяем безрассудный оптимизм многих, кто надеется встретить Рождество 1941 года снова у себя на родине. Для нас Красная Армия является «таинственным незнакомцем», с которым нужно считаться всерьез и которого нельзя недооценивать. Конечная цель этой борьбы лежит в незримой дали».

Из воспоминаний генерала Блюментрига: «Поведение русских даже в первом бою разительно отличалось от поведения поляков и союзников, потерпевших поражение на Западном фронте. Даже оказавшись в кольце окружения, русские стойко оборонялись».

23:00. Премьер-министр Великобритании Черчилль выступает с обращением к народу в эфире радиостанции BBC: «В 4 часа этим утром Гитлер напал на Россию. Все его обычные формальности вероломства были соблюдены со скрупулезной точностью. Внезапно, без объявления войны, даже без ультиматума, немецкие бомбы упали с неба на русские города, немецкие войска нарушили русские границы, и часом позже посол Германии, который буквально накануне щедро расточал русским свои заверения в дружбе и чуть ли не союзе, нанес визит русскому министру иностранных дел и заявил, что Россия и Германия находятся в состоянии войны... Никто не был более стойким противником коммунизма в течение последних 25 лет, чем я. Я не возьму обратно ни одного сказанного о нем слова. Но все это бледнеет перед зрелищем, разворачивающимся сейчас».

Прошлое, с его преступлениями, безумствами и трагедиями, отступает. Я вижу русских солдат, как они стоят на границе родной земли и охраняют поля, которые их отцы пахали с незапамятных времен. Я вижу, как они охраняют свои дома; их матери и жены молятся – о, да, потому что в такое время все молятся о сохранении своих любимых, о возвращении кормильца, покровителя, своих защитников...

Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина. Мы должны оказать России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы должны призвать всех наших друзей и союзников во всех частях света придерживаться аналогичного курса и проводить его так же стойко и неуклонно, как это будем делать мы, до самого конца».

23:50. Директивой Наркомата обороны № 3 было приказано войскам перейти в контрнаступление, разгромить германские войска сначала на своей, а потом и на территории противника. Выполнить эту директиву было не суждено.

Полночь. В радионовостях появилась первая фронтальная сводка, в которой говорится, что немецкое наступление остановлено и Красная Армия перешла в контрнаступление.

22 июня 1941 года подошло к концу. Впереди были еще 1 417 дней самой страшной войны в истории человечества

Из открытых источников

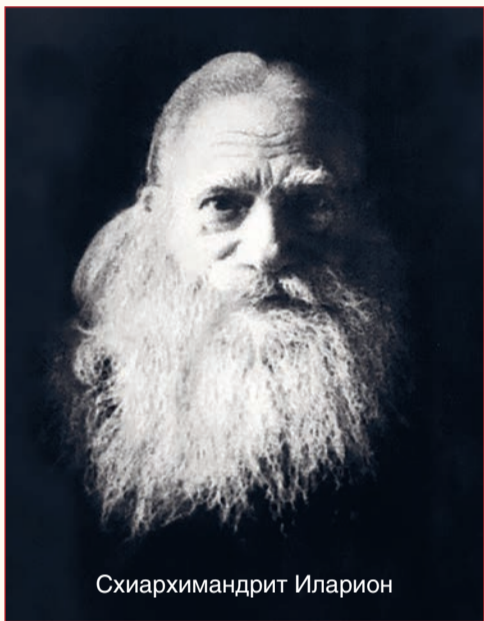

«ГОСПОДИ, ВСЯ ТЕБЕ ВОЗМОЖНА!»

К 75-ЛЕТИЮ ВОЗРОЖДЕНИЯ МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ

В 2021 году Троице-Сергиева Лавра празднует 75-летие со дня возрождения в обители монашеской жизни. Закрытая богоборцами в 1920 году, Лавра четверть века терпела бесчестие: разграбление ризницы монастыря, уничтожение исторических колоколов, глумление над святынями и частичное разрушение зданий. В 1946 году в обители вновь зазвонили колокола. Свидетелей этого события уж нет в живых, но остались воспоминания непосредственных участников, которые передают атмосферу, царившую не только в стенах древней обители, но и в стране, откликнувшейся духовным подъемом на возрождение жизни в Сергиевой Лавре

«Господи, вся Тебе возможна!» По свидетельству одного из непосредственных очевидцев возобновления Свято-Троицкой Сергиевой Лавры после Великой Отечественной войны, эти слова, обращенные ко Спасителю, повторял со слезами на глазах, стоя на коленях у престола в Успенском соборе обители, старец схиархимандрит Иларион (Удодов).

Схиархимандрит Иларион

Семьдесят пять лет назад в апрельский вечер Великой Субботы 1946 года ожила затихшая на четверть века Лавра: в пасхальную ночь над городом поплыл колокольный звон. В зачитанной с амвона 21 апреля телеграмме Святейшего Патриарха Алексия I, ставшего священноархимандритом Лавры, прозвучали слова: «Да будет сия Пасха поистине Пасхой избавления от скорби и непрестающей радостью для всех притекающих к раке мощей Преподобного Сергия».

Читая воспоминания о тех напряженных и счастливых днях, наши соотечественники без затруднения могут представить себе полную жизни картину действий и радостного ожидания великого события, предвещавшего, как смели надеяться боголюбивые люди, большие перемены в стране на духовном фронте. Вот как передает царившую тогда атмосферу регент и художник Сергей Боскин (впоследствии протоиерей), оставивший замечательные дневниковые записи о Лавре и ее возрождении: «Это было

в октябре 1944 года, когда с иностранной экскурсией мне случайно удалось проникнуть в Успенский собор. Стоя на амвоне, я сказал чуть ли не вслух: «Господи, неужели не будет отсюда осенение архиерея?» Выйдя из собора, я остановился у Духовской церкви. Вокруг нее был снят слой земли, освобожден каменный резной цоколь, и над его реставрацией трудились четыре бородастых ярославских мастера. Смотрю, шествует митрополит Ленинградский Алексей, тогда Патриарший Местоблюститель, в сопровождении отца Николая Колчицкого и двух светских лиц. Мастера-ярославцы чуть не в один голос: «Пора, пора». После посещения музея митрополит и его спутники осмотрели Лаврские соборы.

В том же году заработали часы на колокольне, с боем и перезвоном четвертой часа, а в январе 1945 г. сюда приехал старец-схимник Иларион. Он облачил в схимническое одеяние мощи Преподобного Сергия, которые поставили на свое место в Троицком соборе. До этого рака с мощами находилась посреди Никоновской церкви в качестве экспоната, и ее обходили кругом, глядя через стекло на непокрытые косточки. Так начиналось возрождение Лавры».

Обратимся к письму первого насельника открывшейся Лавры фронтовика, демобилизованного офицера Александра Хархаров, приехавшего сюда в апреле 1946 года к своему духовному отцу архимандриту Гурию (Егорову), назначенному Святейшим Патриархом Алексием I наместником Лавры еще за восемь месяцев до ее открытия. Многие из последующих поколений верующих людей знают Александра как архиепископа Ярославского и Ростовского Михея, любимого духовенством и народом пастыря...

Ведущий переписку с монахиней Варварой (Пыльневой), в ту пору еще архимандрит Михей, написал ей в 1981 году о том, что поскольку непосредственных участни-

та Елизаветы Петровны в соборе! Известно, что императрица здесь бывала на богомолье и что крупнейший православный мужской ставропигиальный монастырь России обязан ей присвоением статуса Лавры, но втащить этот раритет в собор? И выставлять на паперти чучело медведя?! Впрочем, как пишет автор письма, музейные работники все это быстро убрали.

Реально ли было в кратчайшие сроки на Страстной седмице за день-другой подготовить огромный храм к Пасхальному богослужению? Оказалось, что с Божией помощью, да, реально. Архимандрита Гурия, прошедшего ссылки и лагеря, и от которого, как читаем мы в «Троицком синодике», веяло внутренним миром и кротостью, очень полюбили прихожане единственного храма в тогдашнем Загорске – Ильинской церкви. В ней батюшка до открытия Лавры служил, являясь почетным настоятелем храма.

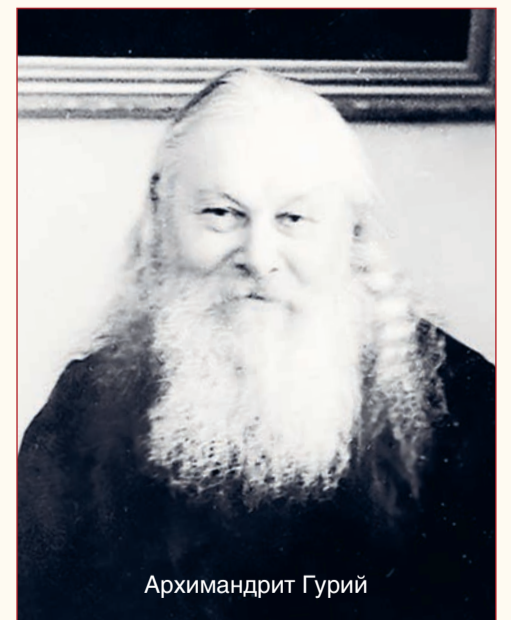
Узнав, что в Лавре по воскресеньям после вечерни служились соборные молебны с акафистом Преподобному Сергию, отец Гурий стал также каждое воскресенье вечером служить в храме молебны с акафистом перед большим образом Преподобного Сергия с частицей его святых мощей, неукоснительно проводя беседы с прихожанами.

В Великий Четверг после литургии в Ильинском храме отец Гурий объявил, что открывается Лавра, и просил всех, кто может, прийти помочь прибрать Успенский собор, приготовив его к Пасхальной службе. Многие тут же откликнулись на призыв батюшки. Пришли с ведрами, тряпками, половыми щетками – стали протирать иконостас, чистить паникадила, мыть полы. С большим рвением наводили чистоту и порядок в недавно еще «замурованном» святом месте под началом знающего человека – все ведь в соборе отсырело и была реальная опасность, по неведению уборщиц, стереть и позолоту.

Откликнулись верующие и на призыв отца Гурия помочь в пожертвовании материала для пошива одежды на престол и жертвенник (парчу дал Патриарх). За эту срочную и ответственную работу взялась старшая дочь отца Павла Флоренского – Ольга, чей сын игумен Андроник (Трубаев) впоследствии провел расследование по установлению того, как его дед, ученый се-

кретарь Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры по благословению Патриарха Тихона в 1918 году предотвратил реальную угрозу уничтожения мощей большевиками: вместе с графом Юрием Александровичем Олсуфьевым, он тайно от всех сокрыл главу Преподобного Сергия, отделив ее от мощей и положив на ее место главу князя Трубецкого.

Сколько было хранителей у главы игумена Земли Русской, оказавшейся позже во Владимирском храме в старинном подмосковном селе Виноградове, где служил архимандрит Иларион, сейчас доподлинно не установить. Но при открытии Лавры этот старец высокой духовной жизни, 20 лет подвизавшийся на Афоне, доставил великую святыню в Троицкий собор обители. Подлинный череп Преподобного Сергия во время переоблачения святых мощей Патриарх благословил водрузить на место в раку (подложный, голову князя Трубецкого, захоронили у алтаря Духовского храма).

Архимандрит Гурий

Из воспоминаний владыки Михея: «В Великую Субботу 1946 года мощи Преподобного Сергия были переданы во вновь открывшуюся Лавру. Весть об ее открытии разнеслась молниеносно, в Лавру из Мо-

Архиепископ Михай

сквы и окрестных мест поехали верующие в таком количестве, что каждый день огромный Успенский собор на Страстной был более чем полон.

Когда сообщили о том, что можно взять мощи и перенести в Успенский собор из Троицкого, который оставался еще в ведении музея, после Литургии был прекращен доступ народа для освящения куличей и пасох в Лавру. Их направляли в Ильинскую церковь. Милиция закрыла ворота, удалили всех с территории Лавры. Народ насторожился и ожидал чего-то необычного, попрягался кто куда.

Отец Гурий и с ним все духовенство, взяв 10 человек рабочих, отправились в Троицкий собор за мощами Преподобного Сергия, которые покоились в серебряной раке, пожертвованной царем Иоанном Грозным, весом 60 пудов. И только из Троицкого собора показалось шествие, как вдруг из закоулков хлынул народ. Милиция не смогла удержать его в воротах, и вся площадь наполнилась народом. Мы стали охапками раздавать зажженные свечи, и народ мощно запел: "Ублажаем тя, Преподобне отче наш Сергие...". С этим пением и с горящими свечами раку внесли в Успенский собор, поставили ее на деревянный помост с правой его стены и сразу же при большом стечении народа отслужили молебен Преподобному Сергию.

Были в те дни, наполненные до краев хлопотами, явлены были и другие чудеса. Если Плащаницу, сосуды выдали из ризницы музея, кое-что дала Патриархия, а облачения, кадила, напрестольное Евангелие, кресты, ладан, подсвечники, свечи, ковры взяли из Ильинской церкви, то вопрос с антимином вызывал у отца Гурия большое беспокойство – его не было. Раньше никто об этом не подумал, и как теперь быть – в такие дни?

Из воспоминаний протодиакона Сергия Боскина: «Архимандрит Гурий жил в доме старосты Ильинской церкви Сарафанова. В Великий Четверг ему говорят: "К вам пришли". А пришел Тихон Тихонович Пелих, которому в 1930-е годы последний наместник Лавры перед ее закрытием архимандрит

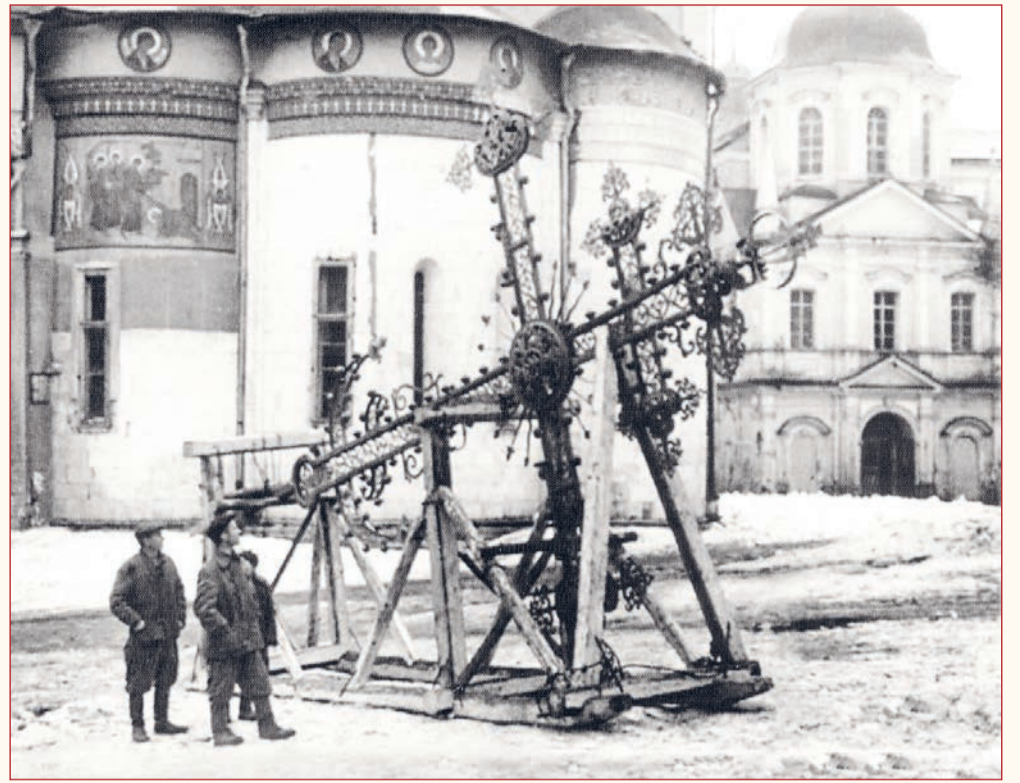
Кронид (Любимов), веривший в стойкость этого скромного тихого учителя, вручил антиминос со словами: "Храни, он нужен будет". И Тихон Тихонович хранил. Услышав о предстоящем событии, он поспешил к новому наместнику... Когда отец Гурий раскрыл антиминос, то он увидел надпись: "Антиминос с Престола Успения Б.М. Успенского собора Троице-Сергиевой Лавры". Не чудо ли это?!

На большом среднем куполе Успенского собора не стоял крест – налетевший буран сорвал его в 1923 году. Но еще до открытия Лавры крест был отреставрирован музеем. Присланные для этого мастера, разобрав все детали и орнамент прежнего креста, смонтировали новый. Накануне его подъема старший рабочий Баринов обратился к отцу Гурию: «Я человек старый, помню с каким торжеством в прежнее время поставляли крест вверху храма, как совершали молебствие. Вы посвятите иконку, а я вделаю ее в крест». Владыка Гурий совершил чин поставления креста перед малой иконкой преподобного Сергия, освятил ее и отдал Баринову, тот вделал ее в середину креста и таким образом Успенский собор был увенчан освященным крестом. Эта первая молитва наместника Лавры и водруженный крест, торжественно осенивший купол собора, явились явным благословением на начало открытия Лавры.

Целая эпопея была в Лавре с получением разрешения на пасхальный колокольный звон. Совет по делам религий разрешил звонить, а дирекция музея, в чьем ведении оставалась колокольня, – нет. У знаменитого колокола «Лебедь» (название он получил

из-за мелодичности звука) сильно провис от долгого не употребления язык – ударные его места находились ниже края колокола. Рабочие постарались и сделали все, как нужно, подтянули воловьи жилы, на которых держался язык, но дирекция даже слышать ничего не хотела: мол, «квы разобьете колокол!» Только лишь перед самой заутреней вопрос

был согласован, и разрешили звонить.

Звонить, как и в 1920 году при закрытии Лавры, довелось Константину Ивановичу Родионову. Тогда он по просьбе своего учителя – старейшего лаврского звонаря инок Сергия, Сережи-слепца, который из-за рыданий не мог звонить, – отзвонил в последний раз, на прощанье поцеловав колокол. И вот

цать. «Господи, благослови», и, осенив себя крестным знаменем, стал раскачивать. И зазвучал наш «Лебедок»...

Из воспоминаний протодиакона Сергия Боскина: «После 26 лет онемения в обители Преподобного Сергия в пасхальную ночь вновь зазвонили колокола, сопровождавшие крестный ход. Народ, заполнивший лаврскую площадь, стоял с зажженными свечами. Свечей было столько, что на фоне ночного неба колокольня предстала в розовом сиянии. В древнем соборе совершалась Пасхальная утренняя и возглаголось первое "Христос Воскресе!" Всех охватило такое волнение, что многие плакали. Не передать всего. Кому-то все не верилось, а больше говорили: "Слава Богу! До какого дня дожили, до каких событий!"

Под торжественный трезвон православные расходились по домам, радостно удивляясь непостижимым судьбам Божиим.

Первое свое служение в Успенском соборе Патриарх Алексий провел на Троицын день, которым и завершилось официальное открытие Сергиевой Лавры.

Из воспоминаний монахини Варвары: «Лавра оживала. Мощные взрывы, от которых вздрагивала земля, не тронули обители, но "мерзость запустения" успела наложить свою руку. Когда притихшие стены соборов вновь оживились дыханием настоящей монастырской службы, всем стало ясно – начинается возрождение не только обители, но и всей жизни. Ничего, что со стен еще сыпалась отсыревшая штукатурка, шелушился красочный слой, кругом были кучи битого кирпича, всякого мусора. Это все не мешало пробиваться росткам надежды и радости.

Мы приехали в первый раз в Лавру в 1946 году на праздник Успения Божией Матери. Холод в соборе страшный, за лето он еще не успел отогреться. Народу битком. По солее проходили какие-то знаменитости, о которых охали в толпе. Мое внимание привлекла игуменья какого-то монастыря с девочкой-послушницей. Молоденькая, черноголазая, тоненькая, она казалась мне тогда воплощением чистого, беспредельного стремления к Богу».

Протоиерей Сергей Боскин

«ЕСЛИ БЫ МЫ ВЕРУЮЩИМИ БЫЛИ...»

Говоря о подвигах красноармейцев в годы Великой Отечественной войны, особое значение сегодня обретают воспоминания простых участников сражений – священников и мирян, с верой и упованием на Господа защищавших земное отечество. В советские годы их, как и Православную Церковь не жаловали, а потому до недавнего времени нам мало что было о них известно. Между тем их жертвенное служение Родине свидетельствует о величии и чистоте духа русского солдата. О фронтовых буднях христолюбивого воинства делится своими воспоминаниями с нами протоиерей Валентин Бирюков (в монашестве иеромонах Иосиф; †19.04.2018)

ТРАВЯНОЙ ХЛЕБ. Меня направили в военную школу в Омск, когда началась Великая Отечественная война. Потом – под Ленинград, определили в артиллерию, сначала наводчиком, затем командиром артиллерийского расчета.

Условия на фронте, известно, были тяжелые: ни света, ни воды, ни топлива, ни продуктов питания, ни соли, ни мыла. Правда, много было вшей, и гноя, и грязи, и голода. Зато на войне самая горячая молитва – она прямо к небу летит: «Господи, спаси!» Слава Богу – жив остался, только три раза ранило тяжело. Когда я лежал на операционном столе в ленинградском госпитале, оборудованном в школе, только на Бога надеялся – так худо мне было. Крестцовое стяжение перебито, главная артерия перебита, сухожилие на правой ноге перебито – нога, как тряпка, вся синяя, страшная. Я лежу на столе голый, как цыпленок, на мне – один крестик, молчу, только крещусь, а хирург – старый профессор Николай Николаевич Борисов, весь седой, наклонился ко мне и шепчет на ухо: «Сынок, молись, проси Господа о помощи – я сейчас буду тебе осколочек вытаскивать».

Вытащил два осколочка, а третий не смог вытащить (так он у меня в позвоночнике до сих пор и сидит – чугунина в сантиметр величиной). Наутро после операции подошел он ко мне и спрашивает: «Ну как ты, сынок?» Несколько раз подходил, раны осматривал, пульс проверит, хотя у него столько забот было, что и представить трудно. Случилось, на восьми операционных столах раненные ждали. Вот так он полюбил меня. Потом солдатики спрашивали: «Он тебе что, родня?» – «А как же, конечно, родня», – отвечаю. Поразительно, но за месяц с небольшим зажили мои раны, и я снова возвратился в свою батарею. Может, потому, что молодые тогда были...

Опыт терпения скорбей в ссылке, выживания в самых невыносимых условиях пригодился мне в блокадные годы под Ленинградом и на Ладожском побережье. Приходилось траншеи копать – для пушек, для снарядов, блиндажи в пять накатов – из бревен, камней... Только устроим блиндаж, траншеи подготовим – а уж на новое место бежать надо. А где сил для работы взять? Ведь блокада! Есть нечего. Нынче и не представляет никто, что такое блокада. Это все условия для смерти, только для смерти, а для жизни ничего нет – ни продуктов питания, ни одежды – ничего.

Так мы травой питались – хлеб делали из травы. По ночам косили траву, сушили ее (как для скота). Нашли какую-то мельницу, привозили туда траву в мешках, мололи – вот и получалась травяная мука. Из этой муки пекли хлеб. Принесут булку – одну на семь-восемь солдат.

Ну и суп нам давали – из сушеной картошки и сушеной свеколки, это первое. А на второе – не поймешь, что там: какая-то заварка на травах. Ну, коровы едят, овечки едят, лошади едят – они же здоровые, сильные. Вот и мы питались травой, даже досыта. Такая у нас была столовая, травяная. Вы представьте: одна травяная булочка на восьмерых – в сутки. Вкусней, чем шоколадка, тот хлебушек для нас был.

ОБЕТ ДРУЗЕЙ. Много страшного пришлось повидать в войну – видел, как во время бомбежки дома летели по воздуху, как пуховые подушки. А мы молодые – нам всем жить хотелось. И вот мы, шестеро друзей из артиллерийского расчета (все крещенные, у всех крестики на груди), решили: давайте, ребятки, будем жить с Богом. Все из разных областей: я из Сибири, Михаил Михеев – из Минска, Леонтий Львов – с Украины, из города Львова, Михаил Королев и Константин Востриков – из Петрограда, Кузьма Першин – из Мордовии. Все мы договорились, чтобы во всю войну никакого хульного слова не произносить, никакой раздражительности не проявлять, никакой обиды друг другу не причинять.

Где бы мы ни были – всегда молились. Бежим к пушке, крестимся: «Господи, помоги! Господи, помилуй!» – кричали как могли. А вокруг снаряды летят, и самолеты прямо над нами летят – истребители немецкие. Только слышим: вжжж! – не успели стрелнуть, он и пролетел. Слава Богу – Господь помиловал. Я не боялся крестик носить, думаю: буду защищать Родину с крестом, и даже если будут меня судить за то, что я богомолец, – пусть кто мне укор сделает, что я обидел кого или кому плохо сделал...

Никто из нас никогда не лукавил. Мы так любили каждого. Заболеет кто маленько, простынет или еще что – и друзья отдают ему свою долю спирта, 50 граммов, которую давали

на случай, если мороз ниже двадцати восьми градусов. И тем, кто послабее, тоже спирт отдавали – чтобы они пропарились хорошенько. Чаще всего отдавали Ленке Колоскову (которого позднее в наш расчет прислали) – он слабенький был. И ведь никто из нас не стал пьяницей после войны...

ГОСПОДЬ ПОДСКАЗАЛ: «УБЕРИ СОЛДАТ...» Икон у нас не было, но у каждого, как я уже сказал, под рубашкой крестик. И у каждого горячая молитва и слезы. И Господь нас спасал в самых страшных ситуациях. Дважды мне было предсказано, как бы прозвучало в груди: сейчас вот сюда прилетит снаряд, убери солдат, уходи.

Так было, когда в 1943 году нас перевели в Сестрорецк, в аккурат на Светлой седмице. Друг другу шепотом «Христос воскрес!» – сказали, и начали копать окопы. И мне как бы голос слышится: «Убирай солдат, отбегайте в дом, сейчас сюда снаряд прилетит». Я кричу что есть силы, как сумасшедший, дергаю дядю Костю Вострикова (ему лет сорок, а нам по двадцать было).

– «Что ты меня дергаешь?» – кричит он. – «Быстро беги отсюда! – говорю. – Сейчас сюда снаряд прилетит...»

И мы всем нарядом убежали в дом. Точно, минуты не прошло, как снаряд прилетел, и на том месте, где мы только что были, уже воронка... Потом солдатики приходили ко мне и со слезами благодарили. А благодарить надо не меня – а Господа славить за такие добрые дела. Ведь если бы не эти «подсказки» – и я, и мои друзья давно бы уже были в земле. Мы тогда поняли, что Господь за нас заступается. Сколько раз так спасал Господь от верной гибели! Мы утопали в воде. Горели от бомбы. Два раза машина нас придавливала. Едешь – зима, темная ночь, надо переезжать с выключенными фарами через озеро. А тут снаряд летит! Перевернулись мы. Пушка набок, машина набок, все мы под машиной – не можем вылезти. Но ни один снаряд не разорвался.

А когда приехали в Восточную Пруссию, какая же тут страшная была бойня! Сплошной огонь. Летело все – ящики, люди! Вокруг рвутся бомбы. Я упал и вижу: самолет пикирует, и бомба летит – прямо на меня. Я только успел перекреститься: «Папа, мама! Простите меня! Господи, прости меня!» Знаю, что сейчас буду, как фарш. Не просто труп, а фарш!.. А бомба разорвалась впереди пушки. Я – живой. Мне только камнем по правой ноге как дало – думал: все, ноги больше нет. Глянул – нет, нога целая. А рядом лежит огромный камень. Но все же среди всех этих бед жив остался. Только осколок до сих пор в позвоночнике.

ТАКОЙ РАДОСТИ В ЖИЗНИ БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО. Победу мы встретили в Восточной Пруссии, в городе Гумбиннен недалеко от Кенигсберга. Как раз ночевали в большом доме – первый раз в доме за всю войну! Печи натопили. Все легли: тепло, уютно. А потом кто-то взял и закрыл трубу. Ладно, я у самой двери лег – запоздал, так как часовых к пушке ставил. Смотрю: кого-то тащат, дверь открыли. Угoreли все, а мне ничего. Но, слава Богу, все живы.

Ну а когда Победу объявили – тут мы от радости поплакали. Вот тут мы радовались! Этой радости не забудешь никогда! Такой радости в моей жизни никогда больше не было. Мы встали на колени, молились. Как мы молились, как Бога благодарили! Обнялись, слезы текут ручьем. Глянули друг на дружку: «Ленька! Мы живые! Мишка! Мы живые! Ой!»

И снова плачем от счастья. Потом пошли на речку отдохнуть – там в логу речушка небольшая была, Писса называлась. Нашли там стог сена, развалились на нем, греемся под солнцем. Купаться было холодно, но мы все равно в воду полезли – фронтовую грязь хоть как-нибудь смыть. Мыла не было – так мы ножами соскабливали с себя грязь вместе с насекомыми... А потом давай письма родным писать – солдатские треугольники, всего несколько слов: «Мама, я здоров!» И папке написал. Он тогда работал в Новосибирске, в войсках НКВД, прорабом по строительству – в войну его мобилизовали. Он жилые дома строил. И он отдал Родине все, не смотря на то, что считался «врагом советской власти».

И сейчас, когда другой враг угрожает Родине – враг, пытающийся растоптать ее душу, – разве мы не обязаны защищать Россию, не щадя жизни?!

ОСТРОВ ВЕРЫ. Об этом потрясающем случае помнят все в Жировицах, в Успенском монастыре, в Белоруссии. Во время Великой Отечественной войны в одном из храмов монастыря немцы держали оружие. Заведующий этим складом был поражен, когда увидел, как появилась Женщина, одетая как монахиня, и сказала по-немецки: «Уходите отсюда, иначе вам будет плохо...» Он хотел Ее схватить – ничего не получилось. Она в церковь зашла – и он зашел за Ней. Поразились, что Ее нет нигде. Видел, слышал, что зашла в храм, – а нет Ее. Не по себе ему стало, перепугался даже.

Доложил своему командиру, а тот говорит: «Это партизаны, они такие ловкие! Если еще раз появится – взять!» Дал ему двоих солдат. Они ждали-ждали, и увидели, как Она вышла снова, опять те же слова говорит: «Уходите отсюда, иначе вам будет плохо...» И уходит обратно в церковь. Немцы хотели Ее взять – но не смогли даже сдвинуться с места, будто примагнитенные.

Когда Она скрылась за дверями храма – они бросились за Ней, но снова не нашли. Завскладом опять доложил своему командиру, тот еще двоих солдат дал и сказал: «Если появится, то стрелять по ногам, только не убивать – мы Ее допросим. Ловкачи такие!»

И когда они в третий раз встретили Ее, то начали стрелять по ногам. Пули бьют по ногам, по мантии, а Она как шла, так и идет, и крови нигде не видно – ни капли. Человек бы не выдержал таких автоматных очередей, сразу бы свалился. Тогда они оробели. Доложили командиру, а тот говорит: «Русская Мадонна...» Так они называли Царицу Небесную. Поняли, Кто велел им покинуть оскверненный храм в Ее монастыре. Пришлось немцам убирать из храма склад с оружием.

Мать Божия защитила Своим предательством Успенский монастырь и от бомбежки. Когда наши самолеты бросали бомбы на немецкие части, расположившиеся в монастыре, бомбы падали, но ни одна не взорвалась на территории. И потом, когда прогнали фашистов и в монастыре расположились русские солдаты, немецкий летчик, дважды бомбивший эту территорию, видел, что бомбы упали точно, взорвались же везде – кроме монастырской территории. Когда война кончилась, этот летчик приезжал в монастырь, чтобы понять, что это за территория такая, что за место, которое он дважды бомбил – и ни разу бомба не взорвалась.

А место это благодатное. Оно намоленное, вот Господь и не допустил, чтоб был разрушен остров веры.

А если бы мы все верующие были – вся наша матушка Россия, Украина и Белоруссия – то никакая бы бомба нас не взяла, никакая! И «бомбы» с духовной заразой тоже бы вреда не причинили.